

<http://www.vz.ru/opinions/2017/9/22/887994.html>

22 сентября 2017

САМОУБИЙСТВО РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Василий Щипков

Формирующийся новый консенсус в обществе создаст общие правила политического мышления на ближайшие десятилетия. Пока неясен окончательный облик нового консенсуса, но можно с уверенностью сказать, каким он не будет.

Журналисты, преподаватели, чиновники, все, кто работает в сферах, связанных с политикой или мировоззрением, научились довольно точно определять, кто из их коллег является либералом, кто – антилибералом, а кто – политически индифферентным.

Отношение к либерализму стало одним из новых атрибутов, идентифицирующим признаком, вычленение которого важно для эффективного взаимодействия с окружающими.

Повсеместное появление в обществе «либералов» и «нелибералов» свидетельствует о конце либерального консенсуса, который существовал в России с 90-х годов до недавнего времени.

Со времен перестройки согласие вокруг базовых либеральных ценностей было для всех разумеющимся, нормативным и объединяло общество. Люди разговаривали на едином либеральном языке и не имели привычки оценивать собеседников или оппонентов по мировоззренческим предпочтениям.

Так же, как в начальной школе большинство детей не знают, что такое национальность, так и люди в России не задумывались об идеологии.

В этот период мировоззрение было вторичным, потому что внешне у всех или почти у всех было общим. Тезис, что в новой России нет никакой идеологии, не вызывал сомнения. Все принадлежали к коллективному либеральному бессознательному и сидели за одним столом.

Либерализм весь этот период был в каком-то смысле идеологией, торжественно победившей после распада СССР. Он чувствовал себя настолько

в безопасности, что вольно экспериментировал со своими границами и напоминал постмодернистского автора, бесконечно играющего с контекстами.

Если человек внутренне разделял либеральные ценности, то ему позволялось быть националистом, анархистом, верующим, безбожником, кем угодно.

Либералы играючи распространяли свое влияние на все сферы жизни, политики, идеологии. Этот процесс, особенно в постсоветской России, напоминал великие географические открытия, подстегиваемые одновременно и желанием приключений, и охотничьим азартом, и жаждой наживы.

Либералы – кто робко, кто смелее – ежедневно «открывали» окружающее пространство и делали его «общим», либеральным. Сколько восторга и воодушевления приносило это «завоевание» и проникновение в неведомые дотолы области!

В «темной» постсоветской России, в отличие от Запада, такие области были на каждом шагу. Либеральный свет проник в образование, науку, СМИ, искусство и поведение людей. Этот процесс был востребован и хорошо оплачивался.

С 2012 года либерализм начал резко сжиматься. Оказалось, что это состояние не универсально и не для всех. Тот самый либерализм, который прежде аккумулировал и абсорбировал любые мировоззрения и любых людей, начал массовую чистку рядов.

Тех, кто по разным причинам внутренне не мог поддержать болотные митинги, провокации против Церкви и называть возвращение Крыма «аннексией», стали запугивать, шантажировать, изгонять из либерального сообщества по законам уголовного времени. Не было компромиссов, не работали поблажки за прошлые заслуги.

Без сожалений большинство было выброшено за рамки либеральной современности. В одночасье большинство стало лишней частью общества, историческим недоразумением.

В этот самый момент либерализм совершил самоубийство. Он лишился своего консолидирующего характера, перестал быть «нормой», общим знаменателем и превратился в нечто противоположное – изоляционистскую идеологию, консенсус меньшинства.

В обществе произошла мировоззренческая революция. Но не консерваторы и не традиционалисты свергли правящее либеральное мировоззрение. Бунт против себя организовал сам либерализм.

Он так увлекся, что пропустил момент, когда превратился в авторитарную силу с жестокими наклонностями, принуждающую всех безоговорочно принимать свою волю. В напряженный момент истории, когда требовалась

выдержка, либерализм не смог потерпеть и сразу проявил тоталитарный оскал, отсекая от себя и желая уничтожить всех несогласных. В одночасье из общества было изгнано большинство общества.

Понять самоуверенность либералов можно. Какими бы они ни были циничными, они всегда оправдывали свое существование внутренним, почти религиозным чувством, что сохраняют то общее, что хоть как-то может объединить разделяемый враждой мир.

Самые базовые ценности либерального консенсуса в XX веке принимались всеми частями света, включая Советский Союз. Они сформировали не только современный язык международного права, но и язык мировой массовой культуры.

После изгнания большинства ситуация в обществе накалилась. Либералы и нелибералы перестали сидеть за одним столом и даже здороваться. Из-за идеологических расхождений переставали общаться друзья, коллеги и родственники. Казалось, что страну ждет неминуемый кризис, а то и гражданская война. Но это было преувеличением.

Предпосылок для серьезного противостояния не сложилось, потому что не народ восстал на либеральный класс и покусился на его идеологическую власть, а сам этот класс отделил себя от народа.

Оказавшись в 2012–2014 годах за рамками либерального консенсуса, большинство в России почувствовало пустоту и растерянность, какая бывает, когда человек неожиданно оказывается полностью предоставленным самому себе.

Впервые за многие годы общество сняло либеральные очки и удивилось. Оказалось, все далеко не так депрессивно и плохо, как ему казалось многие годы. Общество посмотрело на себя по-другому.

Затем все успокоилось.

Теперь друзья, коллеги и члены семей наладили отношения. Бывшие оппоненты по либеральному и антилиберальному лагерю хоть еще и не готовы вести полноценный разговор, но уже могут созваниваться, дипломатично общаться, иногда сидеть за одним столом.

Два–три года назад это было невозможно. Началось сближение. Не на основе абстрактного здравого смысла, тактических компромиссов или уступок, а в результате признания неотвратимости того факта, что начал формироваться новый консенсус.

Формирующийся новый консенсус создаст общие правила политического мышления на ближайшие десятилетия. Пока его окончательный облик неясен, но можно с уверенностью сказать, каким он уже точно не будет – либеральным.

Сегодняшнее либеральное меньшинство смирится и не будет себя вести как большинство, за полной практической бессмысленностью последнего. Как следствие, и радикальные противники либералов отойдут от повстанческой риторики.

Формирование нового консенсуса будет сложным и напряженным процессом, с подводными течениями. Не романтическим и хаотическим брожением разномастных идей, какое обычно сопутствует революционным или протестным процессам в обществе, является ярким и бесплодным.

Это будет процесс с жесткими рамками и правилами игры, заданными политическими событиями в России последних лет, а потому будет максимально плодотворным и эффективным. Выяснение прошлых отношений становится бессмысленным.

Вновь все будут разговаривать со всеми. Закончилось время демагогии и войны компроматов. Началось время осмысленной речи и борьбы идей.